

лосы, как половцы, и носить тюркские колпаки».²⁴ То же самое могло происходить и при дворах русских князей. Закрученные вверх усы на рельефном портрете князя Святослава Всеволодовича могут быть отражением кочевнической моды.

Мастер Бакун был очень сведущ в западноевропейской романской скульптуре, через которую и проявлял большой интерес к светским мотивам в архитектурном декоре. Скорее всего, Бакун мог предложить князю Святославу изобразить на щите св. Георгия вздыбленного («восстающего», по геральдической терминологии) льва, так как подобные мотивы были уже в ходу в западноевропейской феодальной геральдике.

Так или иначе, но ни цитированный выше текст «Моления» о «рато-рях», ни рельефы воинов на капителях Георгиевского собора не представляются какими-то случайными и изолированными явлениями, они восходят к общему источнику, каким могли быть галицко-волынские выходцы при дворах Ярослава и Святослава Всеволодовичей. Таким же галицко-волынским выходцем представляется и мастер Бакун. Я не исключаю, что Бакун был знаком не только с «Молением» (если, конечно, оно было написано до 1230 г.), но и с его автором, жившим почти рядом с г. Юрьевом-Польским. Во всяком случае круг их интересов и знаний был один и тот же. Только один творил в условиях признания своего дарования, а другой изливал горечь своего отстранения от двора. Так представляется мне взаимоотношение скульптуры Георгиевского собора и «Моления Даниила Заточника».

Вскоре после нашествия татаро-монголов в той же Владимиро-Суздальской земле было создано небольшое, но замечательное литературное произведение — «Слово о погибели Рускыя земли»,²⁵ которое некоторые исследователи относят к 60-м годам XIII в. и считают введением к Житию Александра Невского.²⁶ Первый издатель «Слова», Х. М. Лопарев, видел в его авторе переславца, с чем согласен и Н. К. Гудзий,²⁷ а также, по-видимому, А. В. Соловьев.²⁸ Таким образом, перед нами произведение, географически, хронологически и даже «областнически» тесно примыкающее к «Молению Даниила Заточника» и скульптуре Георгиевского собора. Оно примыкает к ним и идейно-художественно, как бы синтезируя в них все самое главное.

1. Идея изобилия княжеского двора в «Молении» через картину цветущей Владимиро-Суздальской земли в скульптуре Георгиевского собора развивается в «Слове» до всеобъемлющего поэтического образа «украшно украшенной» Русской земли, которая «многими красотами удивлена еси».²⁹

2. Концепция сильной «державы» в «Молении» как бы воплощается в скульптуре Георгиевского собора, символизирующей покровительствуемое богоматерью владимиросуздальское княжество, и развивается в широчайшую географическую и политическую панораму Русской земли: «отселе до угор и до ляхов..., до литвы, до немец..., до корелы..., от моря до болгарь..., от черемис до мордвы — то все покорено было ...

²⁴ П. Голубовский. Половцы в Венгрии. — Университетские известия, Киев, 1889, № 12, стр. 57—58.

²⁵ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли». — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 528—545, особенно стр. 542.

²⁶ См. критику этих мнений там же.

²⁷ Там же, стр. 542.

²⁸ А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли». — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 102.

²⁹ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1947, стр. 154.